

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 008+316.7

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-459-465>

Шифр научной специальности 5.10.1

Узбекская ментальность в художественном произведении как источник национальной культуры

Шахноза Ашуровна ИШНИЯЗОВА Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15 isniazovasahnoza@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена повесть народного писателя Узбекистана Мурода Тагая «Сумерки, когда заржал конь» в аспекте оппозиции языковых признаков «конкретность – креативность». Установлено, что при осмыслении художественного произведения следует обращать внимание на мирообраз писателя, отражение его «национального духа», что художественная (писательская) языковая личность является особым типом языковой личности со специфической смысловой структурой национального сознания. Данный факт позволяет утверждать, что художественную картину мира как авторское преломление коллективного отражения мира в этнокультурном сознании, в частности узбекского языкового сообщества, отражает реализация маркированного опозита «креативность». В рамках признака «образный характер знания» отражается эстетическое назначение языка. Обосновано, что языковая картина мира объективируется национальной номинативной лексикой, в то время как художественная картина мира писателя представлена ментальной образностью – единицами вторичной номинации, к числу которых относятся сравнения, метафоры, метонимия, эпитеты и другие элементы художественного сознания. Доказано, что особую значимость в художественном тексте приобретают именно те языковые знаки, в основе которых лежат ментальные этнические обобщения действительности – национальные образы и стереотипы, образующие своеобразную сферу существования узбекской ментальности и национальной культуры.

Ключевые слова: узбекская ментальность, художественный текст, оппозиция языковых признаков, обыденные и креативные знания, образное мышление

Для цитирования: *Ишниязова Ш.А.* Узбекская ментальность в художественном произведении как источник национальной культуры // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 459-465. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-459-465>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Uzbek mentality in fictional work as a national culture source

Shaxnoza A. ISHNIYAZOVA

Samarkand State University named after Sh. Rashidov
15 University Blvd, Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan
✉ isniyazovasahnoza@gmail.com

Abstract. The story of the people's writer of Uzbekistan Murod Tagai "Twilight when the horse neighed" is considered in the aspect of the opposition of linguistic features "concreteness – creativity". We establish that when comprehending a fictional work, attention should be paid to the world image of the writer, a reflection of his "national spirit", that the artistic (writer's) linguistic personality is a special type of linguistic personality with a specific semantic structure of national consciousness. This fact allows us to assert that the artistic picture of the world as the author's reflection of the collective reflection of the world in the ethno-cultural consciousness, in particular the Uzbek language community, reflects the implementation of the labeled opposition "creativity". Within the framework of the attribute "creative nature of knowledge", the aesthetic purpose of the language is reflected. It is substantiated that the linguistic picture of the world is objectified by the national nominative vocabulary, while the artistic picture of the world of the writer is represented by mental imagery – units of secondary nomination, which include comparisons, metaphors, metonymy, epithets and other elements of artistic consciousness. It is proved that those linguistic signs, which are based on mental ethnic generalizations of reality – national images and stereotypes, which form a kind of sphere of existence of the Uzbek mentality and national culture, acquire special significance in a fictional text.

Keywords: Uzbek mentality, fictional text, opposition of linguistic features, ordinary and creative knowledge, creative thinking

For citation: Ishniyazova, Sh.A. Uzbek mentality in fictional work as a national culture source. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):459-465. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-459-465>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Границы моего языка означают границы моего мира.
Л. Витгенштейн

ВВЕДЕНИЕ

Взаимосвязь языка и национального сознания рассматривалась в работах многих известных лингвистов XIX и XX веков (труды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Р. Якобсона и др.). На рубеже XX–XXI столетий в рамках Московской психолингвистической школы стали разрабатываться исследования национально-культурной специфики языкового сознания. Важную роль в понимании

закономерностей языкового сознания сыграло становление культурологической теории (работы В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, А.С. Мамонтова, Е.М. Верещагина, Ю.Е. Прохорова и др.), развитие теории языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым [1] и воплощённой в работах В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Масловой, С.А. Сухих и др. Термин «языковая личность» (*Sprachliche Personlichkeit*) впервые «обнаруживается в трудах И. Вайсгербера, затем в исследованиях русских учёных В.В. Виноградова (личность автора и личность персонажа), А.А. Леонтьева (говорящая личность)» [2, с. 442].

Развитие когнитивной лингвистики в трудах Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джа-

кендоффа, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева и других учёных способствовало введению в научный обиход таких новых понятий, как «концептуализация» и «категоризация», «концептосфера», «семантическое пространство языка», «картина мира», с помощью которых учёные описывали проблематику образа языка, культуры, сознания в их взаимосвязи.

В настоящее время такие термины, как «менталитет» или «ментальность», «национальный менталитет», «языковое сознание», «языковая картина мира», «образ мира», «национальные образы (картины) мира», «культурный генетический код» и т. п., сменили архаичное понятие «дух народа».

В гуманитарных науках укоренилось мнение о том, что этническое сознание содержит представление о специфике культуры любого социума, отражающейся в каждом языке в виде так называемого «образа мира» [3, с. 52], «картины мира», или мирообраза.

Рассматривая сознание в языковом и этническом ипостасях, представляющих собой часть национального общественного сознания, современные учёные обращают внимание на непреходящую языковую антропоцентричность, которая связана с конкретным сознанием конкретного индивида, его познанием окружающей действительности и построением языковой системы в индивидуальном сознании [4–6]. Речь идёт о том, что в триединствах субстанций *человек – окружающая действительность – язык*, *«язык – культура – человеческая личность»*, *человек – язык – текст* главенствующей сущностью является человек.

Однако проблема состоит в том, что необходимо отличать существование внешнего мира от языка, равно как и отделять от языка сознание. И всё же действительность состоит из конкретных, объективных фактов, явлений, свойств, качеств и отношений, которые номинируются с помощью языка и являются его структурными единицами. В результате этого язык становится способом осознанного категоризованного мира. Ещё А. Вежбицка подчёркивала, что язык «отражает нашу концептуализацию мира» [7, р. 50]. Следовательно, язык отражает не саму окружающую действительность, а концептуализацию, происходя-

щую в сознании человека в процессе осмысления этой окружающей действительности.

Взаимодействие обыденной реальности и художественного (писательского) сознания, именуемого как «художественный язык», оказывается в центре внимания к рассмотрению феномена сознания и языковой личности, и национальной языковой личности, которую следует соотносить с культурой национальной, что и определяет актуальность данного исследования.

Осмыслить содержательные характеристики языковых составляющих структуры языковой национальной художественной личности применительно к оппозиции её языковых признаков «реальность – вымысел», или «конкретность – креативность», в отражении узбекской ментальности на материале художественного произведения как источника национальной узбекской культуры является целью данного исследования.

Объектом исследования является повесть «Сумерки, когда заржал конь» «Ночь, в которой заржал конь» («От кишнаган тунда»/«От кишнаган ошком», 1985) узбекского писателя Мурада Тагая (это литературный псевдоним Тагаймурада Менгнарова, уроженца селения Хужасоат Денауского района Сурхандарьи).

В качестве основных методов исследования послужили метод глубинной семантики слова в структуре предложения художественного текста и оппозиционный метод.

В результате проведённого исследования доказано, что необходимо различать реальную языковую личность и художественную языковую личность – художника слова (писателя). Языковая личность народного писателя Узбекистана Мурада Тагая проявляет себя в использовании языковых знаков, соотносённых с реальными знаниями о родном крае. Как «креативная» национальная языковая личность Мурод Тагай проявляет себя в использовании языковых знаков, соотносённых с национальными образными языковыми единицами, художественно отражающими действительность. Данный факт позволяет утверждать, что отражённое языковое конструирование окружающего мира в национальном художественном произведении есть ин-

терпретируемая национальная художественная картина мира.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Художественный текст всегда являет собой отражённую реальность в достоверных национальных параметрах, а писательская языковая личность является особым типом языковой личности со специфической смысловой структурой национального сознания.

В повести писателя Узбекистана Тогай Мурада «Сумерки, когда заржал конь» отражается авторское преломление коллективного отражения мира в этнокультурном сознании узбекского языкового сообщества. Писателя, наряду с вопросами современности, особенно волновал вопрос о непреходящих ценностях человека. Такими нравственными чертами, как честность, обязанность, долг, доброжелательность, наделён герой повести – скромный и трудолюбивый пастух Зиёдулла по прозвищу Плешивый.

Интенция Мурада Тогай отразить национальный колорит узбекской культуры находит отражение в оригинальной эквиполентной оппозиции языковых признаков «конкретность – креативность».

Данная оппозиция демонстрирует принципиально разные способы познания действительности, то есть в её основе лежит различие в способах познавательной деятельности и освоения окружающей действительности. Под понятием «конкретность» понимаются основные обыденные (житейские) знания как способ естественного освоения действительности, под понятием «креативность» – художественные знания как отражение художественного, креативного мышления, как способ эстетического освоения действительности, творческого воображения.

Языковые признаки «конкретность – креативность» как два способа в воззрении на действительность в художественном тексте непременно взаимодействуют.

Оппозит «конкретность» аккумулирует реальные лингвистические и экстралингвистические знания и реализует интеллектуально-понятийную деятельность человека. С позиции обыденные восприятия действи-

тельности в повести используются реальные названия географической местности, лица, реалии быта, названия национальных узбекских игр, что в целом отражает национальную картину мира.

Мурад Тогай вписывает в структуру повести своего героя в пространство Сурхандарьи, горные кишлаки у предгорий «красной земли» Байсуна¹, откуда он сам родом. Границы Сурхандарьинской области указаны с чёткими топографическими объектами: Байсун, Денау, Иргали, Обокли, Оккапчигай, Каратау, Юрчи. Писатель подчёркивает специфику именно этого региона и его значимость.

«Вода в арыке мутная. Вся в красной глине» – Сурхандарья – Красная река (с. 35). «Если берёшь коня, бери из Обокли. Если берёшь жену, бери из Иргали!»; «Сыновья, рождённые иргалинскими матерями, подобны самому Алпамышу. Недаром Алпамыш жил в этих краях!»

Повествование ведётся от лица сурхандарьинского чабана Зиёдуллы-плешивого – мастера национальной узбекской конной игры (улака) с необычным обращением к читателю – «биродирлар», которое начинает повесть: «Братья, беда, беда!» В тексте обращение «братья» повторяется неоднократно.

«Ну и показали они мне, где черти водятся, братья...»; «Братья, вам лучше не спрашивать, а мне не говорить»; «Ах, братья, весь мир – это одно, а то, что называется объятиями – совсем другое. А/х-ха!»; «Братья, девушка эта постоянно стоит перед моими глазами. И днём, и ночью», «Братья, во сне Момосулув была утренней звездой Венерой, наяву была Луной, в объятиях моих стала Солнцем!»; «Братья, сколько карабанеров, сколько чубарых коней ушли со ржанием, оглядываясь назад».

Частотность употребления данного обращения соотносит повесть с народным сказанием, сказом. М.Р. Бобохонов подчёркивает: «В повести, как в народном сказании, порок наказан и добро побеждает», «тандем

¹ *Тогай Мурад*. Избранные произведения. Повесть. Сумерки, когда заржал конь. Ташкент: Шарк, 2008. Ссылки на данное произведение в тексте статьи приводятся в круглых скобках.

«человек – конь» есть счастливый прецедент для восточного повествования» [8, с. 35].

Заметим, что в узбекском языке есть слова, которые на другой язык практически не переводимы, например, слово «хайле» в значении «неконкретность пространственных ориентиров и параметров». К числу подобных слов относится и обращение Зиёдуллы «биродирлар...» к своим односельчанам. В переводе на русский язык это нечто среднее между русскими словами «братья» и «братцы», каждое из которых не передаёт семантически эквивалентное значение узбекского слова «биродирлар», то есть лексическое понятие этого слова присутствует только в узбекском языке.

Из сказанного следует, что национальный текст повести насыщен той неуловимой оттеночностью эмоций, слов, понятий и смыслов, которые трудно или невозможно передать в переводе на русский язык.

Оппозит «креативность». Л. Витгенштейн считал, что значение слова заключено не во внутреннем процессе понимания слова, а в его употреблении [9, с. 266]. Оппозит «креативность» отражает художественную образность слова при его употреблении писателем, который проявляет креативные знания.

Креативность отражает эстетический, эмоциональный способ познания реальной действительности, который представлен художественными образами, что находит отражение в языковом плане на уровне в использовании средств выразительности, тропов и фигур, особого сочетания слов друг с другом. Креативность трансформирует конкретные знания, отражая «мышление в образах» и реализует чувственно-образную деятельность писателя, поэтому интересны эмоциональные образы и их ментальная близость к общему культурному национальному колориту.

Так, герой повести Зиёдулла, летя в самолёте, воспринимает облака как «горы хлопка», а оценивая урожай кишмиша (изюма), говорит, что он «жёлтый как самый солнечный день лета» (с. 34). При описании восторженного отношения к байсунским скаковым лошадям Зиёдулла использует яркое сравнение: «Кобылицы с таким крупом, что можно ставить юрту».

Многие слова языка имеют право считаться «вещью культурно-исторической» (по терминологии В.В. Виноградова), являясь одновременно своеобразными «призмами», через которые постигается человеком реальная его действительность., например, *тандыр, лепёшка, кишмиш, мираб*. Ср.:

«...его лицо напоминало раздумывающую лепёшку, только что вынутую из тандыра». Тандыр – это восточная керамическая печь для приготовления пищи у народов Средней Азии.

«Разбрасывал всю дорогу кизяк» (40). Кизяк – сухой прессованный навоз для топлива, строительный материал в степных районах на юге и востоке Средней Азии.

«Точно как мираб сложил руки на живот» (с. 37). Мираб – лицо, которое следит за оросительной системой и распределяет воду между селениями в маловодных районах Средней Азии.

«Он как отбелённая бязь. Бязь – достаточно распространённая крепкая хлопчатобумажная ткань, не с гладкой, а слегка с крапчатой поверхностью. Это сравнение употреблено дважды за его осязаемую визуальность. Подёрнутая первым морозцем степь воспринимается так: «белая, как отбелённая бязь, равнина».

Как пастух и участник улака Зиёдулла по-особому воспринимает пространство, это «взгляд с коня», с дастанного коня Тарлана. «Я летел больше того времени, за которое можно 4 раза плов сделать» (с. 38). Плов – блюдо из мяса, риса, лука, красной или жёлтой моркови и специй. Попутно заметим, что ингредиенты самаркандского блюда не перемешивают; как правило, плов готовится на кунжутном масле.

Мурад Тогай фиксирует взгляд с позиций наездников, поэтому используется образ зрителя-птицы, в который писатель вкладывает устойчивый национальный образ, эмоциональные предпочтения, свойственные данному сообществу и культурной традиции.

Сравнения многофункциональны. Так, предложение «Наездники поникли, подобно парнишкам, у которых не вернулись с войны их молочные братья» (с. 15), во-первых, передаёт горе – потерю близкого человека; во-

вторых, отражает историческое время – послевоенные годы XX века; в-третьих, характеризует Зиёдуллу, готового на всё ради спасения коня Тарлана.

На улаке зрители приобретают зооморфный образ: «На границе степи росли тутовые деревья с толстыми стволами. Зрители расположились, точно птицы, на ветвях тутовника» (с. 6). Тутовник в Узбекистане – это особое «священное» дерево, которое не принято ни вырубать, ни спиливать. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров подчёркивали, что «мировидение народа и его миропонимание опредмечиваются в языке в системе характерных для него образов... культурно значимый смысл самого образа открывается при буквальном прочтении текста [10, с. 78].

Таким образом, образ (чабан из Сурхандарьи) и образность, оформленная в слове (дастанный конь Тарлан, «Конь был низенький, чуть повыше осла»), являются ключевыми понятиями языка Тагая Мурада, формирующими самобытность картины национального мира. Эти образные понятия становятся ключом для понимания узбекской ментальности, отражённой на страницах его повести.

ВЫВОДЫ

Языковое сознание писателя Узбекистана Тагая Мурада отображает специфику

взаимодействия с миром конкретного этноса без отрыва от этнической, национальной культуры.

Особую значимость в тексте повести «Сумерки, когда заржал конь» приобретают именно те языковые знаки, в основе которых лежат ментальные этнические обобщения действительности, образующие своеобразную сферу существования узбекской культуры, отражённой в оппозиции «конкретность» – «креативность». Маркированным оппозитом является «креативность». Различительный признак «образное отражение жизни Зиёдуллы-плешивого в его сложных отношениях с действительностью» теряет свою релевантность, если не происходит приращения креативного знания.

На сегодняшний день народы сохраняют и развивают свою национальную духовную культуру и этнокультурную идентичность с учётом происходящих в мире изменений. В качестве наглядного примера выступают особенности модернизационных процессов в Республике Узбекистан, совмещающей в себе технологическое развитие с сохранением национальных традиций и локальной специфики.

Повесть М. Тагая – это всего лишь маленький фрагмент огромной мозаики, которая составляет языковое богатство, жанровое разнообразие и многоголосие современной узбекской литературы.

Список источников

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010. 264 с. URL: https://www.phantastike.com/ru/yazykovaya_lichnost/pdf
2. *Саяхмет С.С., Туманова А.Б.* Тезаурус как составляющая категории «языковая личность» // Нефилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 439-447. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-439-447>, <https://elibrary.ru/fboime>
3. *Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Рафаэль Г.Т.* Феномен сознания в аспекте теории и практики обучения иностранному языку как средству межкультурной коммуникации // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах / под общ. ред. В.М. Шаклеина. М.: РУДН, 2019. С. 51-75. <https://elibrary.ru/pvdsnx>
4. *Щербак А.С.* Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 301-304. <https://elibrary.ru/ffvvyv>
5. *Щербак А.С., Атавуллаева С.Ж.* Педагогическая грамматика русского языка в ономастическом и когнитивном аспектах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 1. С. 39-47. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-39-47>, <https://elibrary.ru/qexlag>
6. *Щербак А.С.* Ментальные уровни в семантике топонима: Учкудук // Нефилология. 2022. Т. 8. № 4. С. 697-704. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-697-704>, <https://elibrary.ru/emxeqh>
7. *Wierzbicka A.* The Case for Surface Case (Linguistica Extranca). Ann Arbor: Karoma, 1980. 182 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV157735/

8. Бобохонов М.Р. Психологические доминанты повести Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20 (235). Вып. 56. С. 35-37. <https://elibrary.ru/owxyrt>
9. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с. URL: <https://djvu.online/file/xminZyTFc16Fh>
10. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с. URL: https://studylib.ru/doc/6254301/vereshhagin-yazyk-i-kul_tura

References

1. Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, 2010, 264 p. (In. Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/ru/yazykovaya_lichnost/pdf/
2. Sayakhmet S.S., Tumanova A.B. Thesaurus as a constituent of the category "language personality". *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 439-447. (In. Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-439-447>, <https://elibrary.ru/fboime>
3. Mamontov A.S., Boguslavskaya V.V., Rafael' G.T. Phenomenon of consciousness in the aspect of theory and practice of teaching a foreign language as a means of intercultural communication. *Izuchenie i prepodavanie russkogo yazyka v raznykh lingvokul'turnykh sredakh* [Studying and Teaching the Russian Language in Different Linguistic and Cultural Environments]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2019, pp. 51-75. (In. Russ.) <https://elibrary.ru/pvdsnx>
4. Shcherbak A.S. Onomastic consciousness as a cognitive-language system. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2020, no. 3 (42), pp. 301-304. (In. Russ.) <https://elibrary.ru/ffvvyv>
5. Shcherbak A.S., Atavullaeva S.Zh. Pedagogical grammar of the Russian language in onomastic and cognitive aspects. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2023, vol. 28, no. 1, pp. 39-47. (In. Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-39-47>, <https://elibrary.ru/qexlag>
6. Shcherbak A.S. Mental levels in the semantics of the toponym: Uchquduq. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 697-704. (In. Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-697-704>, <https://elibrary.ru/emxeqh>
7. Wierzbicka A. *The Case for Surface Case (Linguistica extranea)*. Ann Arbor, Karoma Publ., 1980, 182 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV157735/
8. Bobokhonov M.R. Psikhologicheskie dominanty povesti Tagaya Murada «Sumerki, kogda zarzhal kon'» [Psychological dominants of the story "Twilight when the horse neighed" by Tagai Murad]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 20 (235), issue 56, pp. 35-37. (In. Russ.) <https://elibrary.ru/owxyrt>
9. Vitgenshtein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Investigations]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pt 1, 612 p. (In. Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/xminZyTFc16Fh>
10. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 1040 p. (In. Russ.) Available at: https://studylib.ru/doc/6254301/vereshhagin-yazyk-i-kul_tura

Информация об авторе

Ишниязова Шахноза Ашуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, <https://orcid.org/0009-0009-5013-1301>, isniyazovasahnoza@gmail.com

Вклад в статью: разработка идеи статьи, сбор и анализ фактического материала, написание статьи, корректировка текста.

Поступила в редакцию 23.01.2023
Одобрена после рецензирования 14.04.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Shaxnoza A. Ishniyazova, PhD (Philology), Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, <https://orcid.org/0009-0009-5013-1301>, isniyazovasahnoza@gmail.com

Contribution: study idea development, factual material acquisition and analysis, text correction.

Received January 23, 2023
Revised April 14, 2023
Accepted April 20, 2023